

II

«Ольга» дошла до нас в единственной рукописи, представляющей собой четкую писарскую копию конца XVIII века.³ Автором в рукописи назван Яков Княжнин. Но ввиду того, что иных известий о трагедии не имеется, может возникнуть законный вопрос об авторстве Княжнина. Вопрос этот благодаря наличию в его стиле ряда устойчивых индивидуальных особенностей разрешается положительно. Иначе говоря, «Ольга», несомненно, принадлежит перу Княжнина, причем сохранность ее текста вполне удовлетворительна.

Больше затруднений представляет второй важнейший вопрос — о хронологическом приурочении этой безвестной трагедии.

В работе первой исследовательницы «Ольги» — М. О. Габель — проблема датировки трагедии, равно как и источников ее, не ставится. Однако одно высказывание Габель позволяет заключить, что она мыслит «Ольгу» последней трагедией Княжнина (т. е. написанной около 1790 года).⁴ Эта датировка, как будет видно ниже, никаких оснований не имеет.

«Ольга» — не оригинальное произведение Княжнина, она представляет собою переделку, «переложение на русские нравы» трагедии Вольтера «Мёроре» (1743). При этом драматургом был использован не оригинальный текст, что особенно существенно, а русский стихотворный перевод В. И. Майкова, изданный в Москве в 1775 году. Эта дата — *terminus post quem* создания «Ольги».

На данной ступени исследования некоторую помощь нам может оказать анализ стиля трагедий Княжнина. Рассмотрим, например, одну из любопытных закономерностей развития этого стиля — постепенное вытеснение двуглагольных рифм (типа: угасает — умирает) рифмами одноглагольными (принадлежит — стыд). Иллюстрируется эта закономерность следующими цифрами: «Дидона» — 318 : 42; «Владимир и Ярополк» — 317 : 69; «Рослав» — 276 : 75; «Владисан» — 227 : 78; «Софонисба» — 206 : 75.⁵ В «Ольге» мы имеем такое же соотношение между одноглагольными и дву-

³ Вся рукопись представляет собою переплетенный сборник пьес в лист. Сборник содержит текст пяти пьес («Ольга», 2 комедии Фонвизина и Эмина и 2 трагедии Вольтера в переводе Фонвизина и Дубровского). Писана рукопись разными писарскими почерками (в пределах «Ольги» — почерк один). «Ольга» помещена в рукописи на первом месте (лл. 2—37). Хранится рукопись в Рукописном отделении Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина под шифром 2968.

⁴ «Княжнин стремился отойти от сюжетов, взятых из античной истории, обращаясь к русской и пытаясь выйти за пределы „исторического баснословия“ по Татищеву, образцы которого он дал и в „Рославе“, и в „Владисане“. Место действия последнего — мифический Славянск, а действующие лица измышлены, отнюдь не историчны. Но он шагнул затем дальше других, от Хорева, Синава и Трувора через Вадима и Рурика, добравшись даже до Ольги, киевлян и древлян, до лесов и пустыни, в которых скрывается Святослав» (М. Габель. «Литературное наследство Я. Б. Княжнина». «Литературное наследство», т. 9—10, 1933, стр. 368). Статья Габель посвящена доказательству ошибочного положения об оппозиционно-аристократическом характере идеологии Княжнина. В основном правильно полемизировал с Габель Н. К. Гудзий в статье «Об идеологии Я. Б. Княжнина» («Литературное наследство», т. 19—21, 1935, стр. 659—664).

⁵ В последней трагедии Княжнина, «Вадиме Новгородском» (1789), наблюдается некоторый рецидив двуглагольности (235 : 60).